

ОМАР ХАЙЯМ

100 И 1 ЦИТАТА

— Омар Хайям — персидский философ и поэт, врач, ученый — математик и астроном, живший в XI веке. Его неожиданные откровения и смелость суждений, равно как и его оценки властных вельмож и церковных муфтиев, будоражат умы современного человечества, которому, как показало время, они были адресованы этим поэтическим гением.

«АДАМ РОСОЙ ЛЮБВИ ЗАМЕШЕН БЫЛ В ПЫЛИ;
РОСТКИ СТРАСТЕЙ И СМУТ ОПОРУ ОБРЕЛ.
И ВОТ ИГЛОЙ ЛЮБВИ ВСКОЛОДИ ВЕНУ ДУХА,
И КАПЛОУ ВЫЖАЛИ, И СЕРДЦЕМ НАРЕКАЛИ».

Сергей Ильич Ильичев

Омар Хайям. 100 и 1 цитата

http://www.litres.ru/pages/biblio_book/?art=23395858

ООО «Проспект»; 2016

ISBN 9785392235940

Аннотация

Предлагаем вашему вниманию цитаты из сочинений самой противоречивой фигуры Великого Востока — Омара Хайяма, персидского философа и поэта, врача, ученого — математика и астронома. До сего дня никто еще до конца так и не разгадал заложенных в его четверостишиях подлинного смысла и причин парадоксальных противоречий философа в его отношениях к Творцу и власти, а также в полярности оценок поэта, даже когда он говорит, казалось бы, о самых простых и понятных всем вещах: о сущности бытия, любви, о женщине и о вине. Искренне надеемся, что эта работа внесет свою скромную лепту в поиски искомых ответов и это будет еще одной попыткой, совместно с вами, воздать должное этому философу и поэту, пусть и спустя много столетий.

Содержание

Вместо предисловия	5
Краткая биография	8
Детство	12
Образование	17
Увлечение науками	22
Конец ознакомительного фрагмента.	24

Составитель С. И. Ильичев
Омар Хайям
100 и 1 цитата

ebooks@prospekt.org

Вместо предисловия

Удивительный Восток каждый раз поражал нас своими чудесами, подобными всем известным семи рукотворным чудесам света.

Но вот на его земле появилось еще одно чудо, точнее, Божие создание, когда не иначе как по воле Творца на свет народился зело смышленный и чересчур дерзкий мальчик, названный Омаром Хайямом.

Он родился на земле, где господствовал Аллах, которого любили и перед которым преклонялись, которого воспевали и которого... боялись.

И вдруг в мир пришел философ и поэт, который с Творцом был просто на равных, шутя и подтрунивая над Ним, а главное, над собою. Этаким жизнерадостный взрослый ребенок, который может позволить себе таскать Деда-Бога за бороду и задавать ему любые каверзные вопросы. Но иногда и сетовать, потому что искренне не понимал, за что Господь оставил некогда любимые Им создания без внимания, помощи и любви, позволяя им мерзнуть, недоедать, болеть и гибнуть с застывшей на губах мольбой о помощи, обращенной к Нему...

Кого он любил — спросите вы? Жизнь, хотя и понимал, что бремя жизни слишком тяжело даже для такого баловня судьбы, каким был он сам.

Еще он любил женщин, но я бы сказал, что платонической любовью, как садовник любит и обихаживает возвращенную и выпестованную им в своем саду прекрасную розу.

Любил он и вино, которое пил понемногу, когда тосковала душа, когда он был болен, а также в кругу друзей, восполняя этим те мгновения, когда его покидала муза, но всегда во славу Творца!

Он очень любил также точность суждений и красоту формул, а потому писал фундаментальные трактаты по математике, а также составлял звездные каталоги и астрологические календари.

Он много рассуждал о смысле жизни, а итогом этих рассуждений, которые рождались чаще всего на ходу и всегда экспромтом, стали афористические четверостишья (рубайи), которые потомки назовут философской энциклопедией жизни, а то, что в них действительно заложена гениальная мудрость, свидетельствует их актуальность по сей день.

Еще он любил писать стихи, но только на рассвете, когда мир еще не пробудился и был чист, как утренняя роса...

Что он не любил? Ложь во всех ее проявлениях. А ложь о творчестве Омара Хайяма породила сомнения и даже смятение в умах многих, и не самых глупых, представителей человечества, которые не захотели или не сумели отделить философскую притчевость поэта от плевел горделивого ума и самости его подражателей.

Сегодня я бы назвал Омара Хайяма неприятным ге-

нием, которых на земле единицы и которых Творец, как говорят в народе, поцеловал в темечко...

О нем, о его жизни и творчестве, если получится, и будет мой рассказ, построенный на 100 и 1 цитате из его классического наследия.

Сергей Ильичёв

Краткая биография

Омар Хайям (*его полное имя — Гияс ад-Дин Абу-ль-Фатх Омар ибн Ибрахим Хайям Нашапури*) — уроженец города Нишапура, что в Хорасане (*ныне иранская провинция Хорасан-Резави*). О точных годах его рождения до сих пор идут споры. Одни называют датой рождения 1017 (1121), другие утверждают, что это был 1048 год. Пусть и далее спорят, так как это не имеет для нашего повествования принципиального значения.

В 12 лет Омар, сын состоятельного торговца, стал учеником Нишапурского медресе, где закончил полный курс обучения по мусульманскому праву и медицине.

В Самарканде, который был признан на Востоке как научный и культурный центр, Хайям сам становится наставником в медресе. В этом возрасте Хайям не только великолепно на память знал Коран, но и мог дать толкование любого аята этой главной книги мусульман. Однако его смелые идеи видения божественного мира и роли человека в нем не вписывались в ортодоксальный ислам, и через четыре года он вынужден был покинуть Самарканд.

В Бухаре он начал работать в книжном хранилище. За несколько лет, перелистав множество книг, являющихся образчиками самых разных наук, Омар Хайям написал свои первые четыре фундаментальных трактата, которые принес-

ли ему славу незаурядного математика.

Низам ал-Мулк — визирь могущественного султана Малик-шаха I, понимающий важность развития наук и искусства, пригласил Омара Хайяма в Исфахан, — центр государства Санджаров — ко двору султана, где поручил ему управлять обсерваторией. Так начался период двадцатилетнего благодатного служения Омара Хайма при дворе султана.

Вскоре по инициативе и при покровительстве главного шахского визиря Низам ал-Мулка Омар Хайям становится также и духовным наставником султана.

Однако в связи со смертью покровительствовавшего ему султана Мелик-шаха и визиря Низам ал-Мулка сначала закрывают обсерваторию, а когда столицу переносят в Мерв, то там для философа и поэта, обвиненного в вольнодумстве, не находится места.

Омар Хайям вынужден был вернуться на родину. В Нишапуре он прожил до последних дней жизни. Иногда покидал дом для посещения Бухары или ради длительного паломничества в Мекку к мусульманским святыням.

В последние годы Хайям имел небольшой круг близких учеников, изредка принимал искавших встречи с ним ученых и уж совсем редко участвовал в научных диспутах.

И еще, чуть было не забыл: он складывал дерзкие рубаи, этикие поэтические экспромты, которые всегда с назиданием были кому-то посвящены, а уже от них каким-то обра-

зом они расходились по всему мусульманскому миру. Замечу, что рубай — это четверостишья, в которых рифмовались первая, вторая и четвертая или все четыре строфы. Пожалуй, что это была любимая отдушина для пытливого мозга философа и сердца влюбчивого поэта, который доживал свои дни в полном одиночестве.

В 1462 году Йар Ахмад ибн Хосейн Рашиди Табризи завершил труд по составлению большого свода четверостиший Хайяма и назвал его «Тараб-ханэ» («Дом Радости»). Этим подвижническим трудом он спас не менее сотни четверостиший великого поэта. Возможно, что именно эта книга в начале XX века оказалась в Англии, став самым популярным афористическим произведением викторианской поэзии, а затем рубай Омара Хайяма покорили всю Европу.

Ряд рубай Омара Хайяма из-за их ошибочно трактуемой антицерковной направленности, а более — анекдоты его подражателей и просто завистников, большими тиражами печатались во времена Советского Союза.

И лишь в наше время впервые появилось множество вариаций его полных переводов (К. Бальмонт, В. Державин, Б. Маршак, Г. Плисецкий, И. Голубев, И. Тхоржевский). Беда лишь в том, что очень большое число рубай являются все же подделками. Они начали появляться еще при жизни философа и поэта, продолжают, к сожалению, плодиться и по сию пору, внося сомнения в умы и в сердца особенно верующих людей. С годами количество приписываемых Хайяму четве-

ростиший росло и превысило пять тысяч. Хотя большинство исследователей его творчества считает, что Омару Хайяму принадлежит порядка 300–400 рубаи, а по мне — так и того меньше.

Однако вернемся к его судьбе. Исследователи его творчества пишут, что в один из дней, во время чтения «Книги об исцелении» Абу Али ибн Сины (*Авиценны*), будучи уже в преклонном возрасте, Омар почувствовал приближение своей смерти. Философ закрыл научный фолиант и на какое-то время погрузился в размышление.

Затем он позвал близких (*соседей и тех из учеников, кто был еще рядом*) и огласил им свое завещание, после чего попросил оставить его одного. Не принимая в тот день ни пищи, ни питья, а также исполнив молитву на сон грядущий, он положил земной поклон и, стоя на коленях, произнес:

«Боже! По мере своих сил я старался познать Тебя. Прости меня! Поскольку я познал Тебя, настолько я к Тебе приблизился».

С этими словами на устах Омар Хайям умер.

Детство

Омар Хайям лежал на циновке, чувствуя, что Смерть где-то рядом, потому что старческое тело уже не согревалось даже огнем домашнего очага и двумя покрывалами из верблюжьей шерсти.

Хусейн — его последний ученик — сидел рядом.

Учитель наконец-то обещал ему рассказать о себе. Речь восьмидесятилетнего философа была затруднена, но мысли были ясными и картинки жизни четко всплывали в его памяти. И он начал с цитирования собственного же четверостишья:

*Я познание сделал своим ремеслом,
Я знаком с высшей правдой и низменным злом.
Все тугие узлы я распутал на свете,
Кроме смерти, завязанной мертвым узлом...*

Какое-то время после произнесенного четверостишья философ и поэт молчал, а потом сказал:

— И почему не стал я, как отец, палатки мастерить? Все больше пользы было бы семье и людям...

— Зачем вы так, Учитель?

— Учитель? Учитель там, на Небесах, а мы лишь в подмастерьях ходим. Где веру ересью, а ересь верой чтут, я пе-

ред вельможами и духовенством, с трудом скрывая смех и слезы, шутом себя являл, свои бока под палки подставляя. Смеясь, они наотмашь били.

— Да как же они смели?..

— Зато, став с виду бестолков, я вольный хмель веков пригоршнями испил, мороча этих простаков. Беда, она тогда беда, когда она из рук Аллаха — вот что ценнее в сотни раз. А о себе могу сказать лишь так: я был комком земли, замешанным со скорбью пополам. Что рот разинул? Можно закрывать! Однако же я обещал тебе о своей жизни рассказать. Для этого, мой юный друг, нам придется начать с самого детства. Это случилось в городе Нишапур восточной провинции Хорасан. И хотя по нынешним меркам он был небольшим, в нем уже тогда были школы среднего и высшего типа — медресе.

— А прозвище Хайям действительно означает «палаточник»?

Учитель, улыбнувшись, согласно кивнул головой.

— То есть вы, кроме всего прочего, были еще и палаточным мастером?

— Не перебивай старика, а то забуду что-либо более важное. А насчет палаточного мастера, то им был отец, хотя меня он обучил всему, чем сам владел отменно. И в нишапурское медресе я в возрасте двенадцати лет отправлен был лишь потому, что я с восьми уже читал и увлекался тайной мироздания.

— Неужто звезды так влекли воображение ваше?

— Не столько звезды, как...

Мудрец задумался, и Хусейну почему-то даже показалось, что его уже нет рядом. Он даже сам замер, боясь потревожить учителя, улетевшего не иначе как вслед за своими воспоминаниями, в Небо.

И вдруг откуда-то сверху зазвучали его слова.

Бог есть, и всё есть Бог!

*Вот средоточье знанья, Почерпнутого мной
из Книги мирозданья.*

*Сиянье Истины увидел сердцем я,
И мрак безбожия сгорел до основанья.*

— Учитель, позвольте мне записать четверостишие ваше...

— Мой мальчик, где ты был восьмьюдесятью годами раньше... Тогда бы ты купался в рубай, что с уст моих слетали бабочкам подобно, чарующим изяществом своим. Хотя, уж если честным быть, то и они, мои стихи, да и мы сами, — творенье Бога!

*И кроху муравья — Ты светом озарил,
И крылья комара — Ты силой одарил!
Ты щедро воздаешь любому из живущих —
Всем, кто благодарил и кто Тебя хулил».*

— Это, как солнце, которое светит и греет как праведника, так и грешника...

— Ты не по годам сообразителен, мой друг. Теперь тебе, обретшему глаза, поверь, немым придется долго быть.

— Я тоже хочу стать наставником и философом...

— Тогда учись добру, покуда гром не грянул: там обнаружится не кто ты, а каков. А уж когда умру... Отправься к дервишам, и, может быть, у них научишься людей любить светло и без терзаний.

— К дервишам?

— Да, чтобы средь вер и ересей свою найти тропу.

— Так вы же сами о них... — произнес юноша и тут же процитировал когда-то сказанное Учителем:

*Их «войлочным тряпьем» насмешливо зовут,
Они на сухарях да на воде живут,
Себя «оплотами» считают и «твердыней»...
Нет! Вовсе не оплот любой из них, а плут.*

— Мой юный друг, чтоб сметь кого-либо судить, сначала сам пройди хотя бы часть их пути. А от себя тебе отвечу так:

*Скитаний ты не знал, не бедствовал — напрасно,
Лица ручьями слез не омывал — напрасно,
Ожогов на сердце пока страшился ты,*

Пока жалел себя, — существовал напрасно.

— Простите, Учитель.

— Давно простил. О, насчет «войлочного тряпья» добавлю, что дервиши бывают разные. Одни из них искренне ищут Бога, а другие хотят, чтобы искали их. Одному из таких я как-то и сказал это четверостишие. Однако ж, я устал. Ты завтра приходи, и я рассказ продолжу.

Образование

Хусейн уже более двух часов сидел на солнцепеке, ожидая, когда Учитель позволит ему войти. Он пересчитал тех мух, что с неким остервенением, словно мстя ему за что-то, пикировали на него. И одновременно с этим продолжал складывать уже свои рубайи, которые были явно неуклюжими...

— Что ты там сидишь? — вдруг услышал он голос Учителя. — У меня не так много времени осталось, чтобы ты позволял себе сидеть у моего порога безучастным. Входи. Сегодня, пока я в здравой памяти, расскажу немного о том, что было в медресе...

Ученик вошел, занял место на циновке рядом с Учителем и замер в ожидании продолжения его рассказа, который больше напоминал его исповедь, которую он почему-то решил излить простому юноше-соседу. А может быть, и не простому — очевидно, что Омару Хайяму было виднее, кому поведать о своей судьбе.

— Итак, я в медресе... — Омар сказал и сам вдруг на мгновение погрузился в воспоминания о тех годах, затем продолжил: — Наше медресе занималось подготовкой чиновников для государственной службы, а значит, что было заполнено их отпрысками. Юношами балованными, мало что знающими и не особенно желавшими что-либо по-

стигать. При этом всегда готовые были чалму свою и четки заложить лишь за один глоток вина, года своей учебы этим распыляя. И что в остатке? Поверь мне, жизнь их слепилась не из самых умных дел: там не додумались, а что-то вовсе не сумели...

— А как же уроки теологии?

— Так ты про Первый День? Про Вечный Свет? Или про воскрешение из мертвых? Науку я ценю, но это пустоцвет... Точнее, молочко для стариков беззубых.

— Аллах...

— Его не трогай, мальчик мой. Не в книжках Он, не в назидательных рассказах, а в сердце каждого, незримо, душой и духом нашим обернувшись, идет по жизни с нами рядом, и радуясь за нас, и плача... А потому не жди небытия, пока ты жив, до жизни жадным будь. Я был действительно до знаний жаден. А потому, кроме общего курса я профессионально изучил теорию музыки и внимательно ознакомился с достижениями античной науки: трудами Архимеда, Евклида, Аристотеля, переведенными на арабский язык.

— Учитель, а девы юные — неужто не влекли вас, хотя простите за бестактный мой вопрос.

— Отвечу для начала так:

*Живя мгновение, живым блаженством будь,
Пленен изяществом и ликом женским будь.
Поскольку совершить успеешь ты не много,*

*Иль совершенством будь,
иль с совершенством будь.*

— Понятно...

— Что же стало тебе понятно?

— Вы выбрали путь собственного совершенства, не встретив на своем пути той, что сама являла б совершенство...

— Ты прав, мой милый друг. Хотя в этом нет моей особой радости или победы. Да мы и сами себя являть, как совершенство, не имеем права. Творец лишь совершенен, мы всего лишь жалкое подобие Его. Хотя изначально, скорее всего, были и Образом и Подобием...

*Адам росой Любви замешен был в пыли;
Ростки страстей и смут опору обрели.
И вот иглой Любви вскололи Вену Духа,
И каплю выжали, и Сердцем нарекли.*

— Когда вы это написали?

— В медресе учась. Понравилось?

— ...Иглой Любви вкололи Вену Духа... Как точно сказано, аж до мурашек пробирает. Любовь как единственный противовес росткам страстей и душевных смут... Я это запомню.

— В твои года примерно я собственное сердце истязал нещадно, ища о Вере и Любви ответы. Тогда Аллах мне

ключ из сердца сделал, с сокровищницы тайн Своих позволив снять замок...

*В тетради юности закончились листы,
Весны единственной осыпались цветы.
О, молодость моя, откликнись, птица счастья:
Ведь ты была со мной! Куда умчалась ты?*

— Вы жалеете, что годы, проведенные в медресе, оказались скоротечны?

— Нет, жалею лишь о том, что мало сам успел. Теперь жалею лишь и о том, что тем, кто руку мне свою тянул, своей навстречу не подал, кто помощи просил — тех сторонился, не понимая, что теряю. А потому прими один совет:

*Отзывчивых людей сравню я с зеркалами.
Как жаль, что зеркала себя не видят сами!..
Чтоб ясно разглядеть себя в своих друзьях,
Вначале зеркалом предстань перед друзьями.*

Хусейн понимающе улыбнулся.

— Я так понимаю, что у тебя нет настоящих друзей.

Юноша молча склонил голову.

— А у меня были...

Та птица радости, что молодостью звали,

Исчезла, мало с ней мы пировали!

И все-таки она была, жила!

И эти дни забудутся едва ли.

Я расскажу тебе о них, если Аллах позволит, а теперь ступай.

После чего Учитель слегка кивнул головой, прикрывая от усталости глаза. Юноша хотя и понимал, что сегодняшний урок закончен, еще какое-то время всматривался в лик того, кого он уже считал совершенством...

Увлечение науками

Следующим утром Хусейн стоял у входа в дом Учителя с самого рассвета. И был вознагражден, когда пиалу с чаем с собою вместе предложил испить ему Омар Хайям.

И вскоре Учитель продолжил свою исповедь.

— Период овладением науками в моей жизни был одним из самых трагических и одновременно радостных, словно Аллах восполнял мне одно другим. Но давай по порядку.... Во время сельджукского завоевания Центральной Азии в огне тогда погибло множество людей, и в том числе значительная часть ученых. В особенности тяжело я переживал из-за погибших на моих глазах последних светочей мысли от рук религиозных фанатиков при погроме нишапурского медресе. Именно тогда я и задумался о суровости судьбы и задался очередным вопросом к Творцу: почему погибли те, кто олицетворял собою цвет науки, а в живых остались тех, кто лишь имеют вид ученых, одевают истину ложью, не выходя в науке за пределы подделки и лицемерия... А, впрочем, слушай мой незатейливый стих:

*Хитры, пронырливы и вертки, как ужи,
Столпы невежества — «ученые мужи».
Они не расплетут загадок вековых,
Зато уж наплетут такой красивой лжи!*

Хусейн понимающе улыбнулся.

— И если такие учителя встречают человека, отличающегося от них тем, что он ищет истину и любит правду, старается отвергнуть ложь и лицемерие, более того, отказывается от хвастовства и обмана, то они делают его предметом всеобщего презрения и грубых насмешек.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.